

ISSN 2072-5574

**ВОПРОСЫ
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА**

**№12 (138)
2019**

Редакционный совет

А. П. Торшин — кандидат юридических наук, Заместитель председателя — статс-секретарь Банка России, Председатель редакционного совета журнала «Вопросы экономики и права»

Е. М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

А. Г. Лисицын-Светланов — доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Институт государства и права Российской академии наук

В. Н. Викторов — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра специал. программ С.-Петербург. горного университета

Ю. В. Голик — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

С. Н. Сильвестров — доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, Директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

А. А. Ливеровский — доктор юридических наук, профессор Кафедры конституционного и административного права НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

Журнал включен в Перечень ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель: ООО «Экономические науки»

Адрес: 125057, г. Москва, Чапаевский пер., 3–775

E-mail: info@law-journal.ru

Сайт: <http://law-journal.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-31419 от 6 марта 2008 г.

Подписной индекс 70180

ISSN 2072-5574

Дата выхода издания 31.12.2019

Формат 60x84/8

Усл. печ. л. 4.88

Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «24 Принт»

Редакционная коллегия

Е. М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

О. Ю. Бакаева — доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии

В. В. Болгова — доктор юридических наук, профессор, Первый проректор по учебной и воспитательной работе, зав. кафедрой теории и философии права Самарского государственного экономического университета

А. А. Павлушина — доктор юридических наук, профессор, Директор института права Самарского государственного экономического университета

С. А. Махошева — доктор экономических наук, профессор, Зав. отделом «Региональный менеджмент» Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

А. М. Михайлов — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

В. В. Симонов — доктор экономических наук, профессор, Зав. кафедрой истории Церкви Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

И. А. Шулятьев — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

А. А. Алексеев — доктор экономических наук, профессор, Директор Центра инновационного развития, профессор кафедры экономики предприятия и производственного менеджмента Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В. Ф. Понька — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов

А. Г. Зельднер — доктор экономических наук, профессор Института экономики Российской академии наук

М. Ф. Гуськова — доктор экономических наук, профессор Института пути, строительства и сооружений Российского университета транспорта (МИИТ)

П. В. Павлов — доктор экономических наук, доктор юридических наук, доцент, директор Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного Федерального Университета

Р. И. Ханселяров — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

Главный редактор

доктор юридических наук, профессор **Е. М. Ашмарина**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

- Агеева Г.Е., Губайдуллина Э. Х., Рябова И.С.** Общепроцессуальное правопреемство: концептуальные основы 7
- Забайкалов А.П.** Оптимальный порядок наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в представлении населения (на примере Липецкой области) 11
- Казанкова Т.Н., Захаров А.Л.** Искусственный интеллект как объект правовой охраны 16
- Калашникова Е.Б.** Дефиниция «налог»: теоретический и законодательный аспекты 20

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

- Папаскуа Г.Т.** Финтех в цифровизации электронных товарораспорядительных документов 25

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- Левченко Л.В., Яковенко М.Д.** Анализ регионального рынка государственных инвестиций на примере Самарской области 31

ECONOMIC AND LAW ISSUES (АНГЛИЙСКАЯ ВЕРСИЯ) 35

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

ОБЩЕПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВОПРЕЕМСТВО: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

© 2019 **Агеева Галина Евгеньевна**

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса
Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара
E-mail: galinaageevva@mail.ru

© 2019 **Губайдуллина Э. Х.**

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса
Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара
E-mail: elmira_zaripova@mail.ru

© 2019 **Рябова Инна Сергеевна**

студент-магистрант юридического факультета
Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара
E-mail: innochka-ryabova@list.ru

Настоящее исследование посвящено юридическому институту правопреемства. Авторы уделяют внимание обозначению концептуальных основ процессуальной сущности правопреемства, выделению его основных характеристик. Правопреемство в самом общем виде представляет собой замену одного субъекта в правоотношениях другим. Подобная рокировка может быть осуществлена не только в порядке отправления правосудия, однако традиционно институт правопреемства изучается либо с позиции гражданского права в рамках раздела об исполнении обязательств, либо с позиции гражданского процесса. В связи с чем важно упомянуть также отсутствие в современной юридической науке каких-либо комплексных исследований процессуального порядка реализации института правопреемства не только с позиции судебного правоприменения, что также свидетельствует об актуальности данной работы. Цель настоящего исследования заключается в комплексном изучении правопреемства с позиции его общепроцессуального значения, обозначении концептуальных основ подобного подхода и необходимости восполнения пробела общетеоретического изучения данной темы. Объектом данной работы выступают общественные отношения, протекающие в порядке замены одного субъекта другим в силу объективных или субъективных причин в различных видах процессуальной деятельности. Понимание процессуальной деятельности в данном контексте не связывается с конкретным видом судопроизводства или обязательственных отношений. Предмет настоящего исследования представлен авторским подходом к пониманию юридического процесса и процессуальной деятельности и состоит из теорий, концепций, нормативных и правоприменительных материалов, затрагивающих правопреемство. Теоретико-методологическое значение выделения концептуальных основ общепроцессуального понимания института правопреемства состоит в обогащении правовой науки новым подходом, знаниями, связанными с комплексным пониманием сущности и особенностей замены одного субъекта другим в различных видах отношений. Практическое значение данной темы состоит в том, что апробация выработанных теоретико-методологических подходов на практике способна повысить эффективность функционирования правопреемства и снизить ряд негативных явлений.

Ключевые слова: правопреемство; юридический процесс; судебное право; субъекты юридического процесса; замена лиц.

Безусловно, современная юридическая наука меняет свой концептуальный облик. Современный этап развития правового знания характеризуется возникновением новых теорий, концепций, построение и функционирование которых нуждается в философском, правовом осмыслении, а затем уже и в апробации на практике, поскольку именно практика выступает

своего рода мерилем верности правовых знаний и, следовательно, эффективности разработанных теоретических концепций.

На современном этапе развития и функционирования правовой системы продолжает расширяться и набирает обороты теория, так называемого широкого юридического процесса. Современные правоведы, высказывающиеся о необходимости формирования и самостоятельного выделения в теории государства и права процессуальной теории, по-прежнему, субъективно подходят к пониманию структуры процессуальной деятельности и, соответственно, процессуального права, как системы норм, посвященной ее правовой регламентации [1].

Полагаем, что институт правопреемства, активно функционирующий в различных отраслях российского права, необходимо анализировать, прежде всего, как общепроцессуальный, ввиду того, что его особенности осуществления всегда связаны с деятельными аспектами и практическими нюансами. Ввиду чего, исследование института правопреемства в качестве общепроцессуального способно существенным образом обогатить правовую науку и в случае апробация выработанных теоретико-методологических подходов на практике повысить эффективность его функционирования и снизить ряд негативных явлений.

Повышение интенсивности гражданского оборота неизбежно влечет за собой увеличение уровня мобильности не только объектов гражданских прав, но и самих субъектов гражданских правоотношений. Смена организационно-правовых форм организаций, сделки, направленные на перемену лиц в обязательствах, изменение правового статуса субъектов влекут за собой проявление повышенного внимания к институтам правопреемства во всех материальных отраслях права. Особенно характерен исследуемый институт для «традиционно» процессуальных отраслей права [2].

Процессуальное право в любой своей отрасли (а тем более в области гражданских отношений) настолько тесно связано с личностью гражданина, что осуществление смены лиц в ходе процесса может существенно повлиять на окончание процессуальных отношений (например, на вынесенное итоговое решение по делу в судебном праве).

Нормами гражданского законодательства, определено, что участниками гражданских пра-

воотношений выступают физические и юридические лица. Но каждый из этих субъектов ограничен временными рамками своего существования и в большинстве случаев, в зависимости от этого ставится и существование самих гражданских правоотношений. В любой отрасли права закреплен перечень тех юридических фактов, с наступлением которых связывают изменение или прекращение отношений между сторонами. К ним относится, например, смерть физического лица, признание его недееспособными или же ограниченно дееспособным, объявление гражданина безвестно отсутствующим или умершим, ликвидация юридического лица, выход из состава организации [3]. В то же время на практике возникают случаи, когда даже, несмотря на отсутствие носителя конкретных субъективных прав и обязанностей, возникших в процессе правоотношения, прекращение их считается нецелесообразным, в силу возможного нарушения прав и интересов других участников этих отношений. Для обеспечения защиты прав и иных охраняемых законом интересов лиц, была разработана правовая конструкция универсального правопреемства. В ходе ее реализации все права и обязанности, ранее принадлежавшие одному лицу, переходят к его, так называемому правопреемнику для защиты прав собственников при определении судьбы принадлежащего им имущества, на случай наступления непредвиденных обстоятельств.

Традиционно научно-исследовательский интерес правопреемство привлекало в сфере проявления в материальном праве. Постепенно институт правопреемства транспонировался и в нормы различных отраслей процессуального права, тем более в процессе формирования широкого понимания процессуального права. Особенно это значимо для судебного права — ведь при осуществлении производства по гражданскому или административному делам, безусловно, важно учитывать интересы лиц, выступающих носителями конкретных прав и обязанностей спорного правоотношения, и, в случае выбытия одного из них в силу непредвиденных жизненных обстоятельств, не должно мешать должному осуществлению защиты прав и интересов остальных участников процесса.

Как отмечает В.Д. Носов, начало изучения феномена правопреемства восходит к римскому частному праву, в котором осуществление преемства в правах и обязанностях не допускалось

в силу, того, что они представлялись принадлежащими только гражданину (т.е. личными), не подлежащими переходу от одного лица к другому [4]. Но постепенно в процессе развития гражданских правоотношений возникла необходимость в перераспределении благ, возможности обеспечения их постоянного действия вне зависимости от каких либо жизненных обстоятельств, включая субъектов.

Согласно положениям римского права в порядке правопреемства могли переходить только имущественные права и обязанности, а также те обязательства, которые влекли за собой определенные имущественные последствия для участвующей стороны [5]. И собственники именно для защиты своих прав на имущество разработали конструкцию универсального правопреемства — когда правопреемник приобретал все права и обязанности собственника в отношении конкретной вещи. Возможность же сингулярного (частичного) правопреемства появилась намного позднее, с развитием отношения торговли и денежного оборота, что способствовало осуществлению этих операций со значительной экономией во времени.

Исходя из сущности правопреемства, в нем можно выделить следующие основные признаки: замена участников правоотношения и осуществление перехода прав и обязанностей от одного лица к другому, осуществляется на основании одного и того же юридического факта; существующее правоотношение сохраняется в неизменном виде, меняется только его субъектный состав.

В российской юридической науке сложилось общее мнение о том, что правопреемство представляет собой межотраслевой правовой институт, позволяющий осуществлять замену лиц в правоотношениях [6]. Полагаем, что правопреемство — не только межотраслевой институт, но и общепроцессуальный институт ввиду его существенных характеристик, напрямую связанных с юридической деятельностью.

Авторы настоящего исследования подходят расширительно к пониманию процессуального права [7, 8]. Уже около ста лет [9] в российской юридической науке пытаются расширить понимание процессуального права: сначала за счет теоретического объединения различных видов судопроизводства, в том числе не оформленных отдельным законодательным актом (речь идет об административном судопроизводстве). Впо-

следствии исследователи начали отмечать, что любая деятельность с участием государственно-властных субъектов, затрагивающая разрешение конфликтов или устранение противоречий между субъектами (не только в судах, но и в иных административных органах) по своей сущности и процедурным особенностям схожа. Ввиду чего к процессуальному праву было предложено относить нормы, регулирующие юрисдикционный правоприменительный процесс. Позже учеными было обращено внимание на то, что любая позитивная правоприменительная деятельность (например, регистрация или выдача лицензий), а впоследствии и правореализационная (заключение договоров, к примеру) также может считаться юридическим процессом.

Если исходить из подобных методологических подходов, то к процессуальному праву можно отнести любые правовые нормы, регулирующие различные виды юридической деятельности [10]. В числе особенностей процессуальной деятельности можно выделить:

1. динамичный характер, присутствие стадийности;
2. регулирование нормами права;
3. совокупность осуществляемых действий направлена на достижение заранее известного юридически-значимого результата;
4. итог процессуальной деятельности всегда имеет определенные правовые последствия, ради достижения которых субъекты права изначально и реализовывали свои права.

Исходя из вышеизложенных методологических подходов к пониманию процессуального права, хочется подчеркнуть, что правопреемство в самом общем виде — это замена одного лица другим, следовательно, это всегда активная, деятельная операция, имеющая определенную правозначимую цель. Ввиду чего, правопреемство, вне зависимости от реализации в традиционно материальных или процессуальных отраслях права, представляет собой общепроцессуальный институт, имеющей схожие особенности осуществления.

Рассуждая о значимости понимания и исследования института правопреемства с общепроцессуальной позиции, хочется выделить основные концептуальные особенности, нуждающиеся в дальнейшей общетеоретической разработке:

1. Институт правопреемства в настоящее время представляет собой институт замены лиц

в обязательстве, который имеет ярко-выраженный отраслевой аспект. Исследование института правопреемства с общепроцессуальной позиции до настоящего момента не производилось.

2. В процессуальном понимании, правопреемство — это замена лица, выступающего стороной в процессе (истцом или ответчиком — в судебном праве или другим участником любого иного вида юридического процесса) другим лицом в течение процесса, после чего его предшественник полностью и без каких-либо последствий выбывает из процессуальных правоотношений и заменяется вступившим в него лицом, который обладает одинаковым набором процессуальных прав и обязанностей, передаваемых ему выбывшим

участником. Процесс в таких случаях продолжает оставаться единым, поскольку в нем продолжает или рассматриваться одно и то же исковое требование (судебное право), или реализоваться тот же объем правомочий (лицензионный или договорный процессы, например).

3. В теории процессуального права наукой к настоящему моменту выработано три видовых модели правопреемства: 1) обязательное (в данном случае важен сам факт — лицо покинуло процесс и для данных отношений замена — обязательна); 2) волевое (само по себе правопреемство не наступает, но если два субъекта имеют желание «поменяться», то могут реализовать предоставленное право); 3) смешанное (присут-

ствуют черты первых двух видов). По нашему мнению, для повышения эффективности правоприменительной правореализационной практики на современном этапе в процессуальном праве требуется не только расширение моделей правопреемства и его оснований на законодательном уровне, но и распространение единых унифицированных правил порядка замены одного субъекта другим на все виды процессуальной деятельности.

4. Также хотелось бы отметить, что, не смотря на то, что положения о процессуальном правопреемстве достаточно проработаны, проблемы в правоприменительной практике все же возникают. Связаны они в большинстве своем с правопреемством в результате реорганизации организации. Немало спорных вопросов возникает с правопреемством на стадии исполнения судебного решения, а также в отдельном виде производства по делу — в приказном производстве. Все это обуславливает необходимость, во-первых, унификации правовых предписаний отраслевого законодательства, которое содержит положения о правопреемстве, а во-вторых, в обобщении материалов судебной практики по вопросам правопреемства и закрепление их с пояснениями. Данные меры позволят улучшить качество производства по делам и обеспечить надлежащую реализацию прав граждан на судебную защиту.

Библиографический список

1. Ageeva G.E. Digitalization of the Openness Principle of Civil Proceedings: Enunciation Issues // Current Achievements, Challenges and Digital Chances of Knowledge Based Economy: Part of the Lecture Notes in Networks and Systems book series (LNNS, volume 133). P. 707–712. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007%2F978-3-030-47458-4?page=1#toc>.
2. Макарьян Д. Стороны в гражданском процессе // Юридическая наука. 2015. № 1.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СПС КонсультантПлюс
4. Носов Д.В. Феномен правопреемства в российской правовой системе // Журнал российского права. 2011. № 2. С.74.
5. Гражданское право: Учебник. В 2 т. Под ред. Гонгало Б.М. Т.1. 2-е изд., переработ. и доп. М.: Юрайт, 2017. С. 105.
6. Васильев Г.С. Преемство в праве собственности как разновидность сингулярного правопреемства // Правоведение. 2011. № 6. С.48.
7. Губайдуллина Э.Х. Спор в праве: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017.
8. Агеева Г.Е. Оценочные понятия в процессуальном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2014.
9. Рязановский В.А. Единство процесса. М., 1996. С. 18 (напечатано по изданию: Рязановский В.А. Единство процесса // Труды профессоров Иркутского университета. Вып. 1. Иркутск, 1920).
10. Павлушина А.А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития: [монография]. — Самара: Изд-во Сам. гос. экон. акад., 2005.

УДК 342.55

DOI: 10.14451/2.138.11

ОПТИМАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК НАДЕЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯМИ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)*

© 2019 **Забайкалов Андрей Павлович**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Конституционное и международное право» Липецкий филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, Липецк
E-mail: zabaykalov@mail.ru

Совершенствование механизма наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации выступает одной из актуальных проблем современного конституционного права. Статья посвящена такому малоисследованному аспекту как выявление мнения населения по данному вопросу. В качестве основы использованы результаты опроса жителей Липецкой области. В результате констатируется, что не во всем позиция законодателей совпадает с мнением населения. Выводы исследования могут быть применены для дальнейшего совершенствования законодательства, прежде всего, избирательного.

Ключевые слова: возраст, выборы, выдвижение кандидатов, высшее должностное лицо, Липецкая область, самовыдвижение, срок полномочий, субъект Российской Федерации, ценз оседлости.

Федеральный закон от 06 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [8, абз.2 ст.2] (далее — Федеральный закон от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ) предусматривает, что должность «высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации» не является обязательной. Она только может устанавливаться высшими законодательными актами субъекта Российской Федерации (конституцией или уставом), но на практике является общераспространенной. Так, например, в соответствии с Уставом Липецкой области Российской Федерации от 9 апреля 2003 г. № 46-ОЗ [12, п.4 ст.39], администрацию области (постоянно действующий высший исполнительный орган государственной власти области) возглавляет глава администрации области — высшее должностное лицо области.

Должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в нашей стране уделяется постоянное и пристальное со стороны не только представителей юридической науки, но и иных специалистов, а также граждан. И это вполне обоснованно. С одной стороны, широта круга полномочий, которые предоставляются высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации, предопределяет его ключевую

роль в региональной и даже федеральной политике. С другой стороны, как справедливо отметила И. О. Урусова, «статус высших должностных лиц субъектов Российской Федерации является квинтэссенцией проблем современного развития федерализма» [11, с.9].

Одной из основных проблем в данной сфере выступает выработка оптимального механизма определения лица, которое наделяется соответствующими полномочиями. Причем динамичность профильного законодательства свидетельствует о возможном промежуточном характере существующего порядка, что, с учетом относительной небольшого периода существования современной модели российского государства (если считать с 1993 года) и изменчивости современного мира, вполне допустимо и даже обосновано. А с учетом ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации [2] и того, что подотчетность и подчиненность органов публичной власти населению выступает составным элементом конституционных драйверов публичного управления Российской Федерации, т.е. конституционных точек развития публичного управления [13, с. 9], интересным представляется рассмотрение вопроса о том, как решение данной проблемы выглядит в представлении населения субъекта Российской Федерации.

Автором был проведен социологический

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00351.

опрос среди населения Липецкой области. Результаты опроса были подвергнуты стратифицированному отбору по нескольким признакам: пол, возраст респондентов (от 18 лет) и место проживания (муниципальные районы и городские округа).

Так, перед респондентами был поставлен вопрос: «Как следует наделять полномочиями главу администрации Липецкой области?». При этом предлагалось 3 варианта ответа: выборы населением, выборы депутатами представительного органа (Липецким областным Советом депутатов) и назначение Президентом Российской Федерации. Также респонденты могли предложить свой вариант ответа.

В результате подавляющее большинство (83%) выбрало вариант «выборы населением». 10% опрошенных высказались за вариант «назначение Президентом Российской Федерации». 6% отдали предпочтение варианту «выборы депутатами представительного органа (Липецким областным Советом депутатов)». Было также высказано несколько собственных вариантов. Однако, они не являются достаточно корректными, например, «назначение человеком-пауком».

Действующее федеральное законодательство [8, ст.18] устанавливает два способа определения человека для наделения его полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации: выборы населением соответствующего субъекта Российской Федерации или выборы депутатами законодательного (представительного) органа государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации. Выбор между ними осуществляет субъект Российской Федерации самостоятельно. Липецкая область, как и большинство других субъектов Российской Федерации, пошла по пути установления выборов высшего должностного лица региона населением: «глава администрации области избирается гражданами Российской Федерации, проживающими на территории области ..., на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании» [12, п. 1 ст. 40].

Таким образом, позиция законодателей по данному аспекту совпадает с мнением населения Липецкой области.

Также перед респондентами был поставлен вопрос: «Каков оптимальный срок полномочий главы администрации Липецкой области?». При этом варианты ответа не предлагались.

В результате самым популярным (49%) вариантом стал ответ «5 лет». Среди других распространенных вариантов ответа: 4 года — 24%, 3 года — 11%, 6 лет — 8%, 2 года — 4%. При этом нашлись как сторонники ежегодных выборов главы администрации, так и проведения их раз в 10 лет и реже.

В соответствии с федеральным законодательством [8, п. 5 ст. 18], срок полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации определяется конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации, но не более 5 лет. В Липецкой области «глава администрации области избирается сроком на 5 лет» [12, п. 3 ст. 40]. При этом следует отметить, что аналогичный срок полномочий установлен во всех субъектах Российской Федерации.

Таким образом, позиция законодателей по данному аспекту совпадает с мнением населения Липецкой области.

Перед респондентами были поставлены вопросы о возрасте (возрастном цензе) главы администрации Липецкой области: «Каков должен быть минимальный возраст главы администрации Липецкой области?» и «Каков должен быть максимальный возраст главы администрации Липецкой области?». При этом варианты ответа не предлагались. Однако во втором случае был допущен ответ «Такой возраст устанавливать не нужно».

В результате при ответе на вопрос о минимальном возрасте большинство (34%) выбрало вариант 35 лет. Однако вариант 30 лет поддержало не намного меньше респондентов — 28%. По 19% высказались за варианты 25 и 40 лет.

Также отсутствует четко выраженное мнение о максимальном возрасте возможного главы администрации Липецкой области. Большинство респондентов назвало вариант 65 лет. Однако речь идет о большинстве в 25%. Данный срок, видимо, обусловлен ассоциациями с новым пенсионным возрастом (сроком выхода на страховую пенсию по старости) [7, ч. 1 ст. 8] и предельным возрастом пребывания на гражданской службе [4, ч. 1 ст. 25.1]. Вариант 60 лет обозначило 23% опрошенных. 16% высказались за ответ 55 лет, а 9% — 50 лет. При этом вариант «Такой возраст устанавливать не нужно» выбрали также 9% опрошенных.

На федеральном уровне закреплено требование о достижении лицом, претендующим на пост высшего должностного лица субъекта

Российской Федерации, возраста 30 лет [8, абз. 2 п.3 ст. 18]. При этом субъекты Российской Федерации не могут увеличивать или уменьшать этот возраст. Соответственно, аналогичный срок установлен в Липецкой области [12, п. 2 ст. 40].

Максимальный возраст ни федеральным законодательством, ни законодательством Липецкой области не предусмотрен.

Таким образом, позиция законодателей по данному вопросу расходится с мнением населения Липецкой области. Если действующее законодательство предполагает установление возрастных рамок для главы администрации Липецкой области от 30 лет без определения предельного возраста, то опрошенные представляют оптимальным поднять минимальный возраст кандидатов до 35 лет, а также установить максимальный возраст нахождения на данной должности в 65 лет. Причем на уровне субъекта Российской Федерации устранить данное противоречие невозможно.

Можно отметить, что среди действующих высших должностных лиц субъектов Российской Федерации только 3 не достигли 35 лет: А.А.Алиханов 1986 года рождения (Губернатор Калининградской области), Д.А.Артюхов 1988 года рождения (губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа) и В.О.Коновалов 1987 года рождения (Глава Республики Хакасия — Председатель Правительства Республики Хакасия). Также 4 главы региона старше 65 лет или близки к данному возрасту: В.А.Васильев 1949 года рождения (Глава Республики Дагестан), В.Д.Волков 1954 года рождения (Глава Республики Мордовия), Е.С.Савченко 1950 года рождения (Губернатор Белгородской области), А.В.Усс 1954 года рождения (Губернатор Красноярского края). То есть расхождение не является существенным в масштабах страны.

Перед респондентами был поставлен вопрос: «Следует ли устанавливать срок, в течение которого кандидат на должность главы администрации Липецкой области должен прожить на территории Липецкой области («ценз оседлости»)»?».

В результате подавляющее большинство (73%) поддержало введение ценза оседлости, 18% высказались против данного требования, а 9% затруднились ответить.

При этом на вопрос «Если устанавливать срок «ценз оседлости», то какой продолжительности (в годах)?», наибольшей популярностью

пользовались ответы 5 лет (34%) и 10 лет (21%). Варианты 1–3 года в совокупности нашли поддержку у 26% опрошенных. Встречалось и позиция о необходимости проживания в соответствующем регионе в течение всей жизни. Хотя, с другой стороны, около 3% респондентов, несмотря на формулировку вопроса, настаивали на том, что ценз оседлости вводить не стоит.

Федеральный закон от 12 июня 2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [9, п. 5 ст. 4] с учетом норм Конституции Российской Федерации прямо запрещает введение ценза оседлости на выборах всех уровней и видов, кроме выборов Президента Российской Федерации. Таким образом, нормы, предусматривающие ценз оседлости, не могут присутствовать в законодательстве субъектов Российской Федерации. Более того, на выборах высшего должностного лица субъекта Российской Федерации довольно распространена практика поддержки федеральным центром кандидатов, ранее не связанных с соответствующим регионом. В частности, И.Г.Артамонов, до назначения его временно исполняющим обязанности главы администрации Липецкой области после досрочной отставки О.П.Королева в октябре 2018 года [5], не имел опыта жизни или работы в Липецкой области. Однако это не помешало ему набрать немногим более 67% голосов избирателей и победить уже в первом туре выборов главы администрации Липецкой области, состоявшихся в сентябре 2019 года [6].

Таким образом, позиция законодателей по данному вопросу расходится с мнением населения Липецкой области. Если действующее законодательство предполагает прямой запрет на установление ценза оседлости для кандидатов на пост главы администрации Липецкой области, то опрошенные представляют оптимальным введение ценза оседлости и его установление на уровне 5 лет.

Следует признать, что вопрос об установлении ценза оседлости, в целом, является дискуссионным. Высказываются как доводы в поддержку этой идеи, так и аргументы против подобного ограничения пассивного избирательного права [1, с.149–150].

Перед респондентами был поставлен вопрос: «Как должно происходить выдвижение кандидатов на должность главы администрации Липецкой области?». Предлагалось 2 варианта

ответа: самовыдвижение и выдвижение политическими партиями. Также респонденты могли предложить свой вариант ответа. При этом допускался выбор нескольких вариантов ответа.

В результате подавляющее большинство (86%) поддержало применение самовыдвижения. Впрочем, выдвижение политическими партиями указала как возможный вариант также довольно значительная часть респондентов — 57%. Также высказывались предложения о предоставлении права выдвижения кандидатов на должность главы администрации Липецкой области общественным объединениям и иным организациям («предприятиям»).

Федеральное законодательство [8, абз. 3 п.3 ст. 18; 9, п. 2 ст. 32] закрепило в качестве приоритетного механизма выдвижения кандидатов на пост высшего должностного лица субъекта Российской Федерации выдвижение политическими партиями. Именно данный способ действует в обязательном порядке и «по умолчанию» считается единственным. Самовыдвижение установлено этой же нормой. Однако оно имеет факультативный характер и может дополнять выдвижение политическими партиями, если такое решение будет принято на уровне субъекта Российской Федерации и оформлено соответствующим региональным законом.

В Липецкой области только политические партии обладают правом выдвигать кандидатов на должность главы администрации Липецкой области [3, п. 1 ст. 26]. Что касается самовыдвижения, то оно не предусмотрено.

Таким образом, позиция законодателей по данному вопросу расходится с мнением населения Липецкой области. Если действующее законодательство не допускает самовыдвижение кандидатов на пост главы администрации Липецкой области, то опрошенные представляют оптимальным введение института самовыдвижения и даже поддерживают его в большей степени, чем выдвижение политическими партиями. Причем это противоречие существует и

может быть устранено на уровне Липецкой области.

Следует отметить, что отсутствие в избирательном законодательстве субъекта Российской Федерации права на самовыдвижение на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации проверялось Конституционным Судом Российской Федерации. В своем определении от 14 января 2014 года № 7-О [10] он указал, что само по себе отсутствие такого права не может быть признано препятствующим «эффективной реализации» гражданами пассивного избирательного права на соответствующих выборах. И, действительно, право политических партий выдвигать в качестве кандидата, как своего члена, так и лицо, не являющегося членом партии, в сочетании с широким спектром зарегистрированных в Российской Федерации партий, позволяет утверждать, что практически любое заинтересованное лицо, обладающее политическим весом, может получить поддержку той или иной партии. Так, среди действующих высших должностных лиц субъектов Российской Федерации имеются как самовыдвиженцы (например, А. Г. Дюмин, А. М. Осипов, В. И. Лимаренко и т.д.), так и беспартийные кандидаты, выдвинутые политическими партиями (например, В. В. Воскресенский, А. А. Евстифеев, С. К. Ситников и т.д.).

В итоге можно отметить, что не по всем рассмотренным аспектам позиция законодателей совпадает с мнением населения Липецкой области. При этом расхождение в представлениях не носит критический характер. В ряде случаев противоречия имеются именно с нормами федерального законодательства, что подразумевает низкую вероятность их устранения. Однако представляется, что корректировка регионального законодательства с учетом вышеизложенных положений могла бы повысить уровень конкуренции в политической сфере, степень интереса к выборам и избирательным кампаниям.

Библиографический список

1. *Забайкалов А.П.* О цензе оседлости при выборах высшего должностного лица (руководителя высшего органа исполнительной власти) субъекта Российской Федерации // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2019. № 1. — С. 147–153.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. О выборах главы администрации Липецкой области: закон Липецкой области от 09 июня 2012 г. № 45-ОЗ // Липецкая газета. 2012. 20 июня.

4. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.
5. О досрочном прекращении полномочий главы администрации Липецкой области: указ Президента Российской Федерации от 02 октября 2018 г. № 563 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 41. Ст. 6229.
6. О результатах выборов главы администрации Липецкой области: постановление Избирательной комиссии Липецкой области от 10 сентября 2019 года № 94/798-6 // Липецкая газета. 2019. 11 сентября.
7. О страховых пенсиях: федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ // Российская газета. 2013. 31 декабря.
8. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 06 октября 1999 г. № 184-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5005.
9. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.
10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иванова Вячеслава Константиновича на нарушение его конституционных прав положениями Закона Новгородской области «О выборах Губернатора Новгородской области»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2014 г. № 7-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2014. № 4.
11. *Урсова И. О.* Конституционно-правовой статус высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и их роль в системе федеральных и региональных органов власти: автореф. дис. канд. юрид. наук. М, 2014. — 22 с.
12. Устав Липецкой области Российской Федерации от 9 апреля 2003 г. № 46-ОЗ: принят постановлением Липецкого областного Совета депутатов от 27 марта 2003 г. № 222-пс // Липецкая газета. 2003. 17 апреля.
13. *Шукина Т. В.* Классификация драйверов современного публичного управления // Вопросы экономики и права. 2018. № 122. — С. 7–10.

УДК 341.9
ББК: 67.404

DOI: 10.14451/2.138.16

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

© 2019 Казанкова Татьяна Николаевна

кандидат педагогических наук

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

© 2019 Захаров Алексей Леонидович

кандидат юридических наук

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

В статье анализируются концепции отечественных и зарубежных исследователей относительно прав интеллектуальной собственности на продукты, создаваемые искусственным интеллектом. В современной мире вопросы, связанные с искусственным интеллектом, набирают все большую популярность. Увеличиваются инвестиции, стремительно растет рынок технологий искусственного интеллекта. В нынешних реалиях робототехника используется для создания различного рода предметов интеллектуальной деятельности. Все это создает острую потребность в переосмыслении базовых, так привычных нам ценностей, которые составляют объект интеллектуальных прав, и нуждаются в инновациях в сфере их охраны на правовом уровне.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, охрана прав собственности, продукт творческой деятельности.

Искусственный интеллект является предметом научной деятельности многих научных центров, компаний, специализирующихся на разработке научно-исследовательских направлений. Стремительно развивающиеся информационно-коммуникационные технологии создают острую потребность в исследовании и юридическом совершенствовании правового статуса искусственного интеллекта.

Современный мир, где промышленность активно использует компьютерные технологии, применяя их труд в различных областях производства и научно-технической деятельности, постепенно заменяет «живой» труд на «умные» машины. Результатом такой деятельности могут являться произведения искусства, музыкальные композиции, а также новые результаты в научно-технической сфере. Проблема законодательной регламентации правовой охраны наиболее остро встает в том случае, когда системы искусственного интеллекта создают потенциально охраноспособные продукты интеллектуальной собственности автономно, то есть без непосредственного участия человеческого контента.

Таким образом, возникает насущная потребность в переоценке понятий, составляющих основу института охраны объектов прав интеллектуальной собственности, в особенно-

сти концепции определения понятия «творческая деятельность». В виду этого возникает ряд закономерных вопросов: кто и как будет осуществлять охрану на законодательном уровне результатов, создаваемых искусственным интеллектом, целесообразна и обоснована ли вообще такая охрана, и если да, то прописать механизм процедурности этого процесса, то есть дать ему правовую регламентацию, а так же ответить на вопрос о принадлежности результатов деятельности искусственного интеллекта к объектам охраны интеллектуальных прав, а наконец кто будет являться правообладателем права на них. В научной литературе, как отечественной так и зарубежной, единой концепции по этому вопросу пока нет. Многие авторы, такие как Е.И.Денисов, М.Тамм, Л.П.Романова отражают в вопросах искусственного интеллекта лишь техническую составляющую указанной проблематики.

Исследователи правовой регламентации деятельности искусственного интеллекта обсуждают существующие или возможные сложности по охране использования результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта. При этом возможные альтернативы по изменению действующего законодательства не предлагаются. Отсутствие надлежащей правовой регламентации может явить собой серьезные

препятствия для развития отношений в рассматриваемой сфере и как следствие быть сдерживающим фактором научно-технического прогресса. В условиях отсутствия законодательного регулирования правовой охраной результатов, создаваемых механизмами искусственного интеллекта, одних только общих положений законодательства об интеллектуальной собственности становится не достаточно для того, чтобы удовлетворить практический интерес и потребность всех заинтересованных сторон этих отношений.

В связи с вышесказанным очевидна острая потребность в корректировке отечественной законодательной базы относительно прав интеллектуальной собственности. Необходимо приблизить ее к реалиям современных тенденций в сфере инновационного и технологического развития. Если сложившаяся ситуация в ближайшее время не будет меняться, то это создаст опасные предпосылки, при которых взаимоотношения заинтересованных сторон по вопросу создания и использования продуктов, создаваемых в результате деятельности искусственного интеллекта, приобретут устойчивый характер, и законодатель вынужденно примет сложившиеся «правила игры», путем узаконивания существующей практики. Своевременное же реагирование и адаптация действующего законодательства к современным реалиям не только позволит избежать негативных последствий, но и повысит престиж страны, как одного из флагманов в развитии законодательства в сфере интеллектуальной собственности, создаст благоприятную почву для инвестиционного климата.

Все вышеизложенное позволяет выделить основные цели настоящего исследования: сформировать научное представление об особенностях правового режима продуктов, создаваемых искусственным интеллектом, способствовать развитию и совершенствованию концепции их гражданско-правовой защиты. Для этого предстоит решить несколько основных задач: подвергнуть анализу актуальные проблемы правовой охраны и решение вопроса о принадлежности прав на продукты, создаваемые искусственным интеллектом как в российском, так и зарубежном законодательстве, провести анализ и систематизацию существующих теоретических разработок по данной проблематике; разработать предложения по совершенствованию действующего законодательства в сфере право-

вой регламентации общественных отношений, складывающихся по поводу принадлежности прав на результаты-продукты деятельности искусственного интеллекта.

Всякий продукт интеллектуальной деятельности невозможен без творческих усилий человеческого потенциала. Человеческий труд, как приоритетное звено в охране прав интеллектуальной собственности, выступает неким препятствием на пути реализации концепции правовой охраны результатов деятельности искусственного интеллекта. Обязательной составляющей единицей результатов интеллектуальной деятельности в выступает творческий компонент. Без него, потребность в охране результатов деятельности, создаваемых искусственным интеллектом отпадает. Таким образом в рамках данного исследования предстоит так же ответить на вопрос, что же представляет собой понятие «творческая деятельность», поскольку без понимания значения этой дефиниции решение вопроса о признании за отдельным лицом авторского права на результаты интеллектуальной деятельности и предоставлении ему в связи с этим правовой охраны останется открытым. Согласно пункту 1 статьи 1228 ГК РФ, носителем данного права на результаты интеллектуальной деятельности может быть только лицо физическое, которое в процессе своей творческой деятельности его создал [1]. Вышеназванный подход лежит в основе традиционных взглядов отечественной правовой доктрины, а вот напротив в зарубежных исследованиях по этому вопросу единой концепции не выявлено, что создает ситуацию вынужденной оценки данного понятия в процессе судебного толкования.

Невзирая на различные подходы к пониманию понятия «творческая деятельность», а так же мерил оценки охраноспособности продуктов, создаваемых в результате такой деятельности, существует все же некое единое мнение по вопросу принадлежности прав авторства. Им всегда признается физическое лицо. Для того, что бы получить возможность охраны прав интеллектуальной собственности, продукт интеллектуальной деятельности должен содержать особенность авторской личности, подчеркивать его исключительность, индивидуальность. Таким образом, в соответствии с действующими правилами, как нашей страны, так и зарубежных странах, осуществляется охрана только тех продуктов интеллектуальной деятельности, кото-

рые были созданы в результате творческой деятельности человека. В контенте обозначенного вопроса представляется логичным обозначить проблему «машинного творчества». То есть тех продуктов, которые создаются машинами, способными к такой деятельности уже без участия человеческого потенциала. Невзирая на отдельные общие черты, присущие творчеству человека, «машинное творчество», в виду отсутствия у него интеллекта, назвать интеллектуальной деятельностью нельзя. В связи с этим, приходим к заключению, что относительно творческой деятельности машин, речь в настоящем исследовании пойдет не о результатах интеллектуальной деятельности, так как подобный термин можно применять исключительно к человеческому творчеству, а о результатах, потенциально охраноспособных в качестве объектов права интеллектуальной собственности. Помимо этого, рассуждать о правосубъектности искусственного интеллекта имеет смысл только в том случае, если они на законодательном уровне будут признаны субъектами права. Однако из данного правила все же есть исключение, имеется в виду признание прав человекоподобного робота с искусственным интеллектом София, который в октябре 2017 года получил подданство Саудовской Аравии [2].

По вопросу признания за системами искусственного интеллекта авторского права на создаваемые ими результаты, большинство исследователей не находят в этом практической надобности [3]. А то что создают машины по сути являются общественным достоянием. Вместе с тем, с учетом стремительно растущих информационных технологий и возникновением насущной потребности законодательной модернизации существующих положений отечественного законодательства вполне обоснован вопрос о пересмотре отдельных концепций правового регулирования в области интеллектуальной собственности для последующей их эффективной адаптации в сфере стремительно развива-

ющихся технологий искусственного интеллекта. Принятые нашим государством обязательства перед Всемирно торговой организацией в части обеспечения и гарантий реализации норм относительно прав интеллектуальной собственности, предполагают оказание содействия технологическому прогрессу и распространению технологии для достижения взаимной выгоды производителей и пользователей технических знаний, способствуя всеми возможными способами социально-экономическому благосостоянию и достижению баланса относительно прав и обязательств [4].

В процессе начала модернизаций отечественного законодательства, целесообразно подвергнуть изменениям ряд правовых норм. Так, нормы статьи 128 ГК РФ, предлагается расширить, включив в качестве объектов гражданских прав результаты, создаваемые системами искусственного интеллекта. В этой связи так же предлагается статусно приравнять их к результатам интеллектуальной деятельности, находящихся под охраной государства. Такая позиция, которая в конечном итоге должна на законодательном уровне расширить перечень объектов гражданских прав представляется нам оправданной и отвечающей современным тенденциям технологического развития наукоемких технологий. Внесение изменений в статью 128 ГК РФ повлечет так же расширение положений пункта 1 статьи 1225 ГК РФ в части увеличения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

С учетом изложенного, отечественная правовая доктрина должна следовать общемировым тенденциям по модернизации подходов и технологий в рамках традиционной правовой модели охраны результатов интеллектуальной деятельности и защиты в решение вопроса о принадлежности исключительных прав на продукты, создаваемые в процессе деятельности системам искусственного интеллекта.

Библиографический список

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федер. закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ: принят Гос. Думой 24 ноября 2006 г.: одобр. Советом Федерации 8 декабря 2006 г. (в ред. Федер. закона от 23 мая 2018 г. № 116-ФЗ) // База данных «Консультант Плюс». Retrieved from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 21.06.2020)/.
2. Человекоподобный робот София получила гражданство Саудовской Аравии // Телекомпания НТВ: [сайт]. Retrieved from: <http://www.ntv.ru/novosti/1945500/> (дата обращения: 22.06.2020).

3. Морхат П. М. (2017) Искусственный интеллект: правовой взгляд. С. 126. Retrieved from: https://moscou-ecole.ru/wp-content/uploads/2018/03/Morkhat_PM_Artificial_Intelligence_Legal_View-2017.pdf.
4. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС) // База данных ВОИС «WIPO Lex». Retrieved from: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=12746> (дата обращения: 20.06.2020).
5. Yarichin E.M., Gruznov V. M., Yarichina G. F. (2018). Intellectual Paradigm of Artificial vision from video-intelligence to strong artificial intelligence. Т. 9. № 11. С. 16–32. Retrieved from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38638660>

ДЕФИНИЦИЯ «НАЛОГ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ© 2019 **Калашникова Елена Борисовна**

доцент кафедры теории права и философии

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

E-mail: kalashnikova-helen@yandex.com

Исследование посвящено базовому понятию в финансовом и налоговом праве — «налог». Проведен анализ их формулировок, нашедших закрепление в нормативно-правовых актах в различных правовых системах. Подвергнуты анализу и теоретические воззрения на налог, формулировки его понятий в различных странах. При помощи сравнительного анализа норм налогового законодательства России, ряда стран СНГ, Германии и Республики Корея, содержащих дефиницию «налог» выявлены их общие и специфические черты.

Ключевые слова: дефиниция, доход государства, законодательство, налог, сбор, страховой взнос, экономика, платеж.

Категория налога исследуется представителями различных наук и экономистами, и социологами, и конечно же правоведами, уделяя внимание различным его аспектам. Особое значение вопросы установления налогов, процедур налогообложения приобретают в эпоху цифровизации [1].

Рассмотрим правовой аспект дефиниции «налог». Понятие «налог» является базовым для финансового и налогового права. Общепризнанным считается взгляд на налог как на основной источник дохода государства. Еще Бенджамин Франклин указывал: «В жизни нельзя избежать двух вещей: смерти и налогов» [18]. Взимаемые налоги представляют собой главный рычаг в деле управления рыночной экономикой, без которого невозможно представить процветание страны. Именно ими формируется огромный потенциал для развития и роста предпринимательства, платежеспособности населения и многих других факторов.

Следует отметить, что понятие «налог» в законодательствах разных государств сформулировано по-разному. Нет единого мнения в этом вопросе и у ученых.

Что касается законодательной дефиниции, то в российском праве она закреплена в Налоговом кодексе РФ, где в п.1 в ст. 8 указано: «налог — это обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения

деятельности государства и (или) муниципальных образований» [5]. Российский законодатель разграничил понятия налога, сбора и страхового взноса. Имея разные характеристики и правовую природу, все они связаны понятием платежей. Однако дефиниция «платеж» не закреплена законодательно.

В Налоговом кодексе Республики Беларусь налог определен как «обязательный индивидуальный безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в республиканский и (или) местные бюджеты» [6]. Белорусский законодатель закрепил и понятие сбора, но в отличие от НК РФ в НК РБ отсутствует понятие страховых взносов. Так же как и в российском налоговом законодательстве эти категории объединены через понятие платежей, определение которого в НК РБ отсутствует.

В Республике Узбекистан налог опосредуется как «обязательный безвозмездный платеж, уплачиваемый в Государственный бюджет Республики Узбекистан или в государственный целевой фонд» [7]. Так же как и в Белоруссии закреплена дефиниция «сбор», отсутствует дефиниция «страховой взнос», понятие налог и сбор объединены через понятие платежей.

В законодательстве одной из самых развитых европейских стран — Германии налоги опосредуются как «законодательно предписанные платежи физических и юридических лиц общественно-правовым органам (федерации,

Землям, общинам, церкви), которые этими средствами финансируют свои затраты» [16]. Как мы видим в ФРГ налог опосредуется денежным платежом, в отсутствие встречного обязательства. Обобщает их цель взимания — поддержка общественно-правовых органов, реализация хозяйственных и политических задач государства. Налоговые поступления в ФРГ составляют около 80% бюджета страны, в связи с чем рассматриваются они как стержневое средство влияния государства на развитие немецкой экономики.

Отличает немецкий налоговый кодекс наличие в нем дефиниции «платеж». Законодатель ставит знак равенства между понятиями платеж и отчисление. Дефиниция отчисления (платежи) выступает обобщающим понятием для всякого рода платежей единой целевой направленности — в общественно-правовые органы в денежной форме, осуществляемых налогоплательщиками. Таковыми на законодательном уровне определены: оплата налоговых задолженностей (налогов и дополнительных налоговых отчислений); выплаты, связанные с государственными услугами (пошлины, взносы, специальные сборы), а так же таможенные сборы и изъятия.

В системе немецких налогов имеют место и достаточно экзотические налоги: церковный налог, сбор солидарности. Первый из них уплачивается физическими лицами, по их желанию. В пользу какой церкви уплачивать лицо определяется то же само. Но если налог не уплачивается, то данное лицо лишается права пользования финансируемых церковью учреждений, например детского сада. Данный налог регулируется законодательством земель [17]. Введение сбора солидарности было обусловлено необходимостью восстановления экономики восточной части Германии [15].

Есть страны где понятие налога не закреплено на законодательном уровне. Так, например, обстоят дела в Республики Корея. В правовой науке Республики под налогом принято понимать: «экономическое бремя, наложенное принудительно на частных лиц без конкретного вознаграждения центральным правительством и местным органом, в целях получения доходов» [9]. Высказываются и иные воззрения на понятие «налог». Некоторые правоведы говорят о налоге как о «принудительном взимании государством у граждан денег в отсутствии встречного вознаграждения» [12]. Иные опосредуют налог как «уплату денег всеми гражданами без

конкретных вознаграждений, подпадающих под условия оплаты, закрепленные в налоговом законодательстве и взимаемые государственным или местным органом с целью увеличения доходов и для покрытия расходов» [13]. Чо Ын Джин в ходе сравнительного исследования понятия налога в российском и корейском праве приходит к мнению о необходимости закрепления понятия «налог» на законодательном уровне и предлагает авторское его определение: «налог — обязательный, добровольный и законно установленный платеж, производимый гражданами в целях финансового обеспечения деятельности государства и увеличения доходов и для покрытия расходов государства» [13].

В российской правовой науке так же нет единого мнения в вопросе определения понятия «налог». Критике подвергается законодательно закрепленная дефиниция «налог». Высказываются предложения о включение в дефиницию «налог» указание на природу обязанности по уплате налога. Указывается на ошибочность введение в понятие «налог» формы его взимания — путем отчуждения собственности [14]. Предлагается исключить из понятия налога указание на отчуждение как на форму его взимания [8].

По мнению Д. В. Винницкого: «налог — установленная законодательно сформированным представительным органом форма ограничения конституционного права собственности или иного законного владения путем отчуждения части материальных благ, принадлежащих частным лицам, в пользу фиска, в денежной форме, в безвозвратном, безвозмездном и обязательном порядке, обусловленная необходимостью решения общественных задач, основанная на принципах равенства, всеобщности, соразмерности» [3]. По мнению Арутюнян М. С. и Хисматуллина О. Ю. налог представляет собой «целевой платеж в форме отчуждения денежных средств, которые принадлежат плательщику на праве собственности или на ином вещном праве» [2].

Интересным на наш взгляд является взгляд на налог как на конкретную форму правовых взаимоотношений, закрепленных на законодательном уровне в целях наполнения государственного бюджета [11].

Как верно отмечается в научной литературе налог все чаще и чаще рассматривается не только как экономическая или правовая категория, а еще и как социально-философская [10]. Такой взгляд сформировался еще в древнегреческом

обществе. О налоге как об идее говорил и Гегель. По его мнению идея эта может быть поддержана или не поддержана гражданами [4]. На наш взгляд этот аспект должен быть учтен при разработке налоговой политике в нашей стране.

Как мы видим налог как платеж, нацеленный на формирование государственного бюджета имеет место во всех рассмотренных нами странах. Однако не все законодатели закрепили его дефиницию в нормативно-правовых актах.

Нет единого мнения и в научной среде в вопросе формулировки данной дефиниции. На наш взгляд целесообразным видится введение в российское налоговое законодательство понятия «платеж», выступающее обобщающим понятием для всех видов платежей в государственный бюджет, обладающими признаками обязательности, принудительности и объединенных единой целевой направленностью.

Библиографический список

1. *Авдеев П.А., Сидорова А.В.* Соотношение безопасности и свободы // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. 2018. № 1 (37). С. 172–175.
2. *Арутюнян М. С., Хисматуллин О.Ю.* К вопросу о правовой природе денежных средств, уплачиваемых в счет исполнения налоговой обязанности // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-denezhnyh-sredstv-uplachivaemyh-v-schet-ispolneniya-nalogovoy-obyazannosti> (дата обращения: 18.07.2020).
3. *Винницкий Д.В.* Российское налоговое право: проблемы теории и практики. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003. С. 25–26.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. Т.1. М.: Мысль, 1970. С. 14.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // СЗ РФ, № 31, 03.08.1998. Ст. 3824.
6. Налоговый кодекс Республики Беларусь от 29 декабря 2009 года № 71-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 7 января 2010 года, № 4, 2/1623.
7. Налоговый кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 25 декабря 2007 года № ЗРУ-136) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.03.2020 г.) // Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2007 г., № 52 (II)
8. *Осетрова Н.И.* К вопросу о сущности и определении налогов // Налоговый вестник, 2000. № 6. С. 150.
9. Официальный сайт Национальной налоговой службы. URL: <https://txsi.hometax>.
10. *Сидорова А.В., Черевиченко Т.С.* Становление и развитие понятия «Налог» // Вестник ВУиТ. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-ponyatiya-nalog> (дата обращения: 18.07.2020).
11. *Тюпакова Н.Н., Бочарова О.Ф.* Методологические Основы функционирования налогов как категории финансов // Финансы и кредит. 2007. № 33 (273). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovy-funksionirovaniya-nalogo-kak-kategorii-finansov-1> (дата обращения: 18.07.2020).
12. *Чо Ын Джин* Правовое регулирование налогообложения юридических лиц в Российской Федерации и Республике Корея. Монография. М., 2019. — 136 с.
13. *Чо Ын Джин* Понятие налога в Республике Корея и Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 11 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-naloga-v-respublike-koreya-i-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 17.07.2020).
14. *Шаталов С.Д.* Комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный). М., 1999. С. 56.
15. Abgabenordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 1. Oktober 2002 (BGBl. I S. 3866; 2003 I S. 61), die zuletzt durch Artikel 6 des Gesetzes vom 29. Juni 2020 (BGBl. I S. 1512) geändert worden ist // <https://www.bundesfinanzministerium.de/Web/DE/Themen/Steuern/Steuerverwaltung-Steuerrecht/Abgabeordnung/abgabenordnung.html> (дата обращения: 18.07.2020). http://www.web-globus.de/articles/nalogi_v_germanii (дата обращения: 18.07.2020).
16. https://zakon.ru/blog/2017/6/28/nalogooblozhenie_v_germanii (дата обращения: 18.07.2020).
17. FB.ru: <https://fb.ru/article/44928/nalogoovaya-sistema-ssha> (дата обращения: 18.07.2020).
18. go.kr/docs/customer/dictionary/view.jsp?word=%EC%A1%B0%EC%84%B8&word_id=1319/ (дата обращения: 18.07.2020).

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО;
БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО**

ФИНТЕХ В ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ТОВАРОРАСПОРЯДИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

© 2019 Папаскуа Гиви Тенгизович

аспирант, кафедра финансового права

Московский государственный юридический университет, Россия, Москва

E-mail: Givipapaskua@gmail.com

Появление технологии блокчейн позволяет в будущем отказаться от коносаментов в их бумажном оформлении. В настоящее время несколько морских хабов, включая Сингапур, изучают возможность цифровизации торговой и морской документации, такой как коносаменты, с использованием технологии блокчейн. Однако сохраняется значительная неопределенность в отношении юридической состоятельности коносаментов блокчейн, как и других электронных документов. В статье рассматриваются основания и возможности использования электронных коносаментов в модели распространенного реестра, а также препятствия к их применению в юрисдикциях общего права. Принятие MLETR* может обеспечить правовой режим для блокчейн-коносаментов. Рассматриваются ключевые положения MLETR, в результате чего предлагаются варианты поправок модельного правового акта. Рассматриваемые подходы в правовом регулировании подготовят соответствующие юрисдикции общего права к новой технологической эпохе в судоходной отрасли.

Ключевые слова: коносамент, блокчейн, оборотоспособность, токен, электронный реестр.

Типовой закон «Об электронных переводных документах» (MLETR) направлен на обеспечение легального использования электронных переводных документов как внутри страны, так и за рубежом. MLETR применяется к электронным переводным регистровым записям, которые функционально эквивалентны переводным документам или инструментам. Переводные документы или инструменты — это бумажные документы или инструменты, которые дают владельцу право требовать исполнения указанного в них обязательства и которые позволяют передать требование к этому исполнению путем передачи владения документом. К переводным документам или инструментам обычно относятся коносаменты, переводные векселя, векселя и складские расписки.

Трансфорабельность и доступность в электронном виде документов может быть весьма полезна для облегчения электронной торговли, например, за счет повышения скорости и

безопасности передачи, разрешения повторного использования данных и автоматизации некоторых транзакций с помощью «смарт-контрактов»**.

MLETR основывается на принципах недискриминации в отношении использования электронных средств, функциональной эквивалентности и технологической нейтральности, лежащих в основе всех текстов ЮНСИТРАЛ по электронной торговле. Поэтому он может предусматривать использование всех технологий и всех моделей, таких как реестры, токены и распределенные бухгалтерские регистры.

Со времен позднего средневековья перевозчиками оформлялись бумажные документы на товары, отгружаемые на борту торговых судов. Эта практика приобрела сложный характер: от выдачи бумажных квитанций и регистрации груза на борту судна в регистре пергаментной книги*** до выпуска элементарных вариантов бумажных коносаментов, подтверждающих полу-

* UNCITRAL Model Law on Electronic Transferable Records (“MLETR”) является модельной правовой формой, принятой Комиссией ООН в отношении права международной торговли (UNCITRAL) в 2017.

** См.: Elson Ong. Blockchain bills of lading CML Working Paper Series, No 17/01, March 2017, <http://law.nus.edu.sg/cml/wps.html> (обращение 20.06.2019).

*** Статья 16 *Ordinamenta et Consuetudo Maris de Trani* от 1063 года обязывала каждого судоводителя брать с собой клерка, который был бы обязан дать клятву верности и вести учет товаров, полученных от грузоотправителя в своем реестре, покрытом пергаментом: Сэр Трэверс Твисс (Travers Twiss (ed)), *Черная книга Адмиралтейства*, том 4 (Longman & Co 1876) 533–535 (Twiss T. *The Black Book of the Admiralty*. Vol. I.— L.: Longman & Co., 1871. (reprinted in 1998 by the Lawbook Exchange).

чение, а затем содержащих договорные положения. Эти квитанции в конечном итоге приняли более сложные свойства, такие как оборотоспособность. Сегодня бумажные коносаменты повсеместно распространены в международной торговле.

Вместе с тем, существует множество проблем использования указанных коммерческих документов: их подделка, выдача обманным путем и пр. Однако это тот риск, на который согласились трейдеры, в обмен на скорость и удобство использования подобных документов. Кроме того, для доставки бумажных коносаментов в порт назначения требуется время. Уже нет уверенности в том, что первоначальные бумажные коносаменты будут доставляться получателю или индорсиденту до прибытия груза в порт назначения. Эволюция морских перевозок с судов, приводимых в движение парусом, и, позднее, моторных судов привела к ускорению морских перевозок. Торговля может быть связана с документарным кредитом, требующим от коносамента оформление в банке, увеличивая время его выдачи и обращения. В некоторых сделках может быть несколько перепродаж в коротких рейсах, что приводит к дополнительной документарной нагрузке, а также увеличению времени передачи. Несвоевременное прибытие коносаментов может также быть причиной перегруженности портов в связи с тем, что получатель (приемники) груза не имеют первоначального коносамента для представления для доставки груза. В ситуациях, когда доставка товаров осуществляется без производства коносаментов, существует хорошо развитая отраслевая практика доставки грузов по гарантийным письмам вместо оригинальных коносаментов. Однако это ставит продавца в сложное положение, заключающееся в том, что он не может оплатить очистку груза, и может привести к тяжкому судебному разбирательству.

Практические ограничения, связанные с бумажными коносаменами, могут быть устранены с помощью технологического решения, такого как использование электронных методов для выдачи коносаментов в электронной форме. Это не только предотвратит возникновение фиктивных и мошеннических коносаментов, но и приведет к мгновенной передаче коносамента. На протяжении ряда лет существуют электронные коносаменты с общедоступными электронными платформами, однако они не получили широ-

кого распространения из-за неопределенности в отношении юридического основания их использования. Эта неопределенность может быть объяснена отсутствием правовой инфраструктуры для поддержки использования электронного коносамента, противоречивым модельным подходом к регистру, заключающимся в идентификации держателя электронного коносамента, и отсутствием подходящей технологии для облегчения подхода, основанного на модели токенов.

В настоящее время необходимо разработать международную систему правового регулирования деловых отношений в сфере коммерческого судоходства. Основание такой правовой базы должно являться соглашением о использовании электронных коносаментов, использование электронных систем регистрации; пользователи таких систем соглашаются с договорными условиями, установленными коммерческими поставщиками, до получения доступа к реестру. Третьи стороны не имеют доступа к сети договоров, заключаемых коммерческими провайдерами и пользователями их систем.

Модель реестра идентифицирует контролируемое лицо в отдельном независимом реестре третьей стороны. Это требует тщательного контроля за реестром и системы проверки целостности электронной передаваемой записи (ETR), с тем чтобы надежно установить ее владельца. Создание, выдача и передача ETR основаны на информации, передаваемой в центральный реестр и регистрируемой в нем, причем цепочка контроля и связанные с этим вопросы безопасности сосредоточены на реестре, а не на самой ETR.

ETR в модели реестра не существует в цифровой форме как токен для торговли. Вместо этого ETR просто содержит ссылку на реестр, в котором можно найти личность контролирующего лица. Однако ссылка не ведет себя как символический ключ от склада и поэтому не может находиться в традиционном правовом владении. Как таковая, модель реестра неизменно использует подход управления для идентификации держателя. Это включает идентификацию лица, имеющего право осуществлять права, закрепленные в ETR, путем идентификации лица, контролирующего ETR.

Для того чтобы придать законную силу электронным коносаменам в соответствии с моделью регистрации, преобладающее решение предусматривает, что контроль над ETR имеет те

же последствия, что и обладание бумажным коносаментом. Это решение было принято рядом правовых режимов, таких, как Международные правила морского судоходства для электронных коносаментов (Comite Maritime International Rules for Electronic Bills of Lading), Роттердамскими правилами и недавно Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях (UNCITRAL Model Law on Electronic Transferable Records (MLETR)).

В настоящее время модель реестра несовместима с передаваемыми документами, она не обеспечивает оборотоспособность бездокументарного актива, поскольку эта модель не допускает ни акта доставки, ни актов индоссамента и доставки. Передача контроля над электронной записью между двумя сторонами в реестре, как представляется, лишь приводит к изменению лица, контролирующего электронную запись, вместо передачи электронной записи от одной стороны другой стороне, которая передала бы посессорные и договорные права. Из этого следует, что лицо, получающее контроль над электронным коносаментом в соответствии с моделью регистрации, не может ни получить доступ к посессорным правам коносамент на требование о сдаче груза в порту разгрузки, ни обратиться за договорными средствами правовой защиты, вытекающими из нарушения договора перевозки.

Можно заметить, что системы реестров более точно отражают практику регистрации грузов на борту судов в книгах учета пергамента одиннадцатого века, чем современные коносаменты. Как отметила ЮНСИТРАЛ, права в товарах, представленных правоустанавливающими документами, обычно обусловлены физическим владением оригинальным бумажным документом, таким, как коносамент, складская квитанция или другой аналогичный документ. Электронный коносамент в соответствии с регистрационной моделью представляет права в товарах путем контроля регистрационной записи, и именно по этой причине электронные коносаменты, как представляется, представляют собой просто бухгалтерские книги.

Существует реальная опасность того, что принятие регистрационной модели обратит вспять несколько столетий прогресса, регрессируя к средневековым коносаментам. В стремлении придать электронному коносаменту тот же уровень правового признания, что и бумажно-

му коносаменту, предполагалось, что техника удержания ETR будет основываться на основных целях и функциях первичного бумажного коносамента. Однако сама причина контрольного подхода заключалась в том, что обладание электронной записью до появления технологии блокчейн было не способно к тиражированию. Кроме того, Четвертая рабочая группа ЮНСИТРАЛ вновь заявила, что MLETR не будет заниматься вопросами, регулируемые материальным правом. Однако контрольный подход может непреднамеренно нарушить существующие правовые концепции и подходы, лежащие в основе первичных требований к бумажному коносаменту, которых ЮНСИТРАЛ стремилась избежать.

Модель токена идентифицирует держателя электронной передаваемой записи (ETR) в самой ETR. Она опирается на тщательный контроль над самой записью ETR. Передача процесса контроля для и идентификация владельца ETR зависит от самой программы и ее безопасности как с технической точки зрения, так и с позиций защищенности. В системе блокчейна это частично достигается путем установления технологических гарантий и гарантий безопасности существованием уникального экземпляра, который не может быть изменен, а также высокой степенью распространения данных.

Описывая ETR через токен моделирование исследователь сталкивается с проблемой терминологической определенности. Единого, тем более легального, определения токена не встретишь. Токены работают как акции, деньги в криптовалютах, баллы лояльности на карте какого-то магазина — в любом случае, токен рассматривается как некоторая ценность. В ETR сама запись, идентифицируемая как коносамент может идентифицироваться через токен.

Существуют опасения, что гипертокенизация сервисов столкнется с техническими проблемами, которые приведут к провалу и сбоям. Уже в реализации «закона Яровой» указывалось на проблемы хранения огромного объема данных. Кроме того, рост токенизации экономики требует ее переосмысления с позиций современного финансового кризиса и декларации исчерпания возможностей либерального подхода в регулировании.

Следует также преодолеть иные препятствия, связанные с отсутствием правового регулирования, идентификации ETR как бездокументарной

ценной бумаги или иного объекта, вовлечение в систему ETR рядового гражданина, обеспеченности доступности и пр.

До появления технологии блокчейн не было подходящей технологии, которая могла бы идентифицировать держателя ETR в самой ETR. Традиционные технологии, такие как цифровые идентификаторы объектов и управление цифровыми правами, могут гарантировать, что электронные записи являются уникальными, но эти записи не могут быть переданы как уникальные маркеры. Традиционные технологические ме-

тоды могли бы обеспечить безопасную передачу электронных записей в качестве токенов, но не могли обеспечить уникальность самой записи. Таким образом, электронный коносамент может существовать в виде цепочки цифровых подписей, причем передача электронного коносамента осуществляется путем хеширования электронного коносамента передающего лица и открытого ключа получающего лица и подписания электронного коносамента получателем в цифровой форме с использованием закрытого ключа передающего лица.

Библиографический список

1. *Elson Ong*. Blockchain bills of lading CML Working Paper Series, No 17/01, March 2017, <http://law.nus.edu.sg/cml/wps.html> (обращение 20.06.2019).
2. *Twiss T*. The Black Book of the Admiralty. Vol. I.— L.: Longman & Co., 1871. (reprinted in 1998 by the Lawbook Exchange).
3. UNCITRAL Model Law on Electronic Transferable Records (“MLETR”). 2017. https://www.uncitral.org/pdf/english/texts/electcom/MLETR_ebook.pdf. (обращение 20.06.2019).

ЭКОНОМИКА. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.322(075)
38.04.01

DOI: 10.14451/2.138.31

АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НА ПРИМЕРЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2019 **Левченко Лариса Владимировна**

кандидат экономических наук, доцент

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

E-mail: lvls@mail.ru

© 2019 **Яковенко Мстислав Дмитриевич**

магистрант

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

Статья посвящена анализу современного состояния регионального рынка государственных инвестиций, на примере Самарской области. Авторы описывают основные государственные инвестиционные инструменты, их место и значение в структуре расходов бюджета, а также проводят анализ эффективности использования государственных инструментов инвестирования; выделяют связанные с этим проблемы.

Ключевые слова: инвестиции, финансовый рынок, государственные инвестиции, государственные закупки, виды государственных инвестиций, оценка эффективности государственных программ

Исходя из классического понимания инвестиционного процесса, сторонний инвестор может привлекаться к участию в том или ином проекте на самых разнообразных условиях, будь то кредитование бизнеса в особом порядке, участие в уставном капитале, вложение нематериальных активов и многое другое. Бюджетные же инвестиции предусматривают фактически единственный способ — предоставление бюджетных инвестиций юридическим лицам, не являющимся государственными или муниципальными учреждениями и государственными или муниципальными унитарными предприятиями, что влечет возникновение права государственной или муниципальной собственности на эквивалентную часть уставных (складочных) капиталов указанных юридических лиц. Таким образом, государство становится совладельцем той или иной компании.

С одной стороны, предоставление бюджетных инвестиций значительно упрощает реализацию крупных инфраструктурных проектов, где найти частного инвестора зачастую проблематично.

В то же время, необходимо учитывать, что, в отличие от частного инвестора, контроль со стороны государства значительно тщательнее и строже. Вопрос не в том, что инвестиции призваны ввести кредитора в заблуждение, а в том, что процедуры контроля являются дополнитель-

ными административными барьерами, препятствующими желанию брать деньги у государства.

Необходимо отметить, что государство действует не только напрямую через свои государственные органы, но и, например, через организации, которые, так или иначе, «аффилированы» государству. Это могут быть, как государственные бюджетные учреждения, которые имеют право заниматься предпринимательской деятельностью, и как следствие, имеют возможность каких-либо капитальных вложений в основные средства, обновление материальной базы и пр. Такую же функцию могут выполнять государственные корпорации, юридические лица с государственным участием и многие другие.

Кроме того, государство, как на федеральном, так и региональном и местном уровнях, предусматривает в своих бюджетах различные расходные обязательства, например, субсидирование частных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Оно может быть связано с возмещением самых разнообразных расходов, которые несут частные предприятия, и которые государство готово возмещать. Например, сельское хозяйство, здравоохранение, образование, т.е. то, что принято называть социальными расходами.

Здесь же, отдельно следует упомянуть банковскую и финансовую системы. Так, например только в 2015 году на поддержку банковской

системы России, было выделено 1,7 трлн. рублей. При этом общий объем расходов в том же году составлял чуть более 15 трлн. рублей. Т.е. несложно посчитать, что только в этой части бюджет «проинвестировал» более 10% от общей суммы.

Из приведенных аргументов можно сделать однозначный вывод, что в бюджете России, как, впрочем, и в бюджете практически любого государства, значительно больше инвестиций, чем может показаться на первый взгляд [1].

Изучив источники государственных инвестиций, легко можно выделить несколько конкретных видов таких вложений.

В первую очередь таким вложениями являются бюджетные инвестиции. Исходя из норм Бюджетного кодекса Российской Федерации бюджетные инвестиции определяются бюджетные средства, направляемые на создание или увеличение за счет средств бюджета стоимости государственного (муниципального) имущества.

Таким образом, понятие бюджетных инвестиций практически дублирует классическое определение инвестиционной деятельности. Данные о таких расходах публикуются в составе отчетности как на уровне Российской Федерации в целом, так и Самарской области в частности.

Например, по данным министерства управления финансами Самарской области общий объем бюджетных ассигнований, выделенных за счет средств областного бюджета, федерального бюджета и иных безвозмездных поступлений, на осуществление инвестиций в объекты капитального строительства государственной и муниципальной собственности Самарской области на 01.01.2020 составляет примерно 41 млрд. рублей (таблица 1.1) [2].

Вместе с тем, расходы бюджета, помимо бюджетных инвестиций, предусматривают несколько десятков различных государственных программ, например, по охране окружающей среды, развитию инфраструктуры градостроительной деятельности, развитию жилищного строительства, здравоохранению и т.п. Там же можно найти сведения о государственных и муниципальных закупках и мн. др. К сожалению, имеющаяся в свободном доступе отчетность не позволяет выделить точную сумму на каждую такую статью расхода и (или). Также надо учитывать, что не все из выделяемых денежных средств осваиваются бюджетом. Однако с уве-

ренностью можно сказать, что в исследовании государственных инвестиций, останавливаться на бюджетных инвестициях нельзя.

Исследуя процессы формирования регионального рынка инвестиций, следует отметить, что в любом случае, несмотря на особую роль субъекта — инвестора, главным инициатором инвестирования должен быть частный капитал, поскольку в противном случае можно будет говорить о нарушении законодательства о защите конкуренции.

Ответственными государственными органами изначально формируются лишь механизмы предоставления ресурсов, и лишь после этого, в зависимости от обращений частных лиц, регионом принимается окончательное решение об их выделении (рис. 1.1).

Особенностью данного процесса можно выделить то, что далеко не всегда инициатор проекта становится фактическим получателем тех или иных государственных инвестиций, поскольку так или иначе распределение государственных средств происходит на конкурсной основе.

Стоит отметить, что существенную роль в этом вопросе играет также объем и направленность масштаб инвестиций. Например, если обратиться к структуре бюджета Российской Федерации, то лишь его половина распределяется между регионами, оставшаяся же часть уходит на общегосударственные нужды.

В данном случае речь не только о социальных обязательствах, военных расходах и т.п. В указанной сумме (порядка 15 трлн. руб.) заложены в том числе инвестиционные проекты федерального значения (к примеру, Олимпиада в Сочи в 2014 году, или Чемпионат мира по футболу в 2018 году и т.п.).

Конечно же, часть затрат федерального центра также направляется в регионы и в том числе в Самарскую область, однако далеко не все проекты реализуются на всей территории России. Таким образом, происходит расслоение регионов.

В этой связи, в вопросе формирования и развития регионального инвестиционного рынка значительную роль играет решение о распределении ресурсов между регионами на федеральном уровне.

Региональным законодательством устанавливаются различные формы и методы государственного регулирования инвестиционной деятельности.

Таблица 1.1. Отчет об освоении бюджетных ассигнований, выделенных за счет средств областного бюджета, федерального бюджета и иных безвозмездных поступлений, на осуществление инвестиций в объекты капитального строительства государственной и муниципальной собственности Самарской области на 01.01.2020 [3]

Наименование ГРБС	Сводная бюджетная роспись	Лимиты бюджетных обязательств на 2019 год, доведенные до ГРБС	Кассовое исполнение	Процент кассового исполнения к сводной бюджетной росписи, %
1	2	3	4	5
Министерство экономического развития, инвестиций и торговли Самарской области	503952100,00	503952100,00	503952100,00	100,0
Министерство имущественных отношений Самарской области	4748000,00	4748000,00	4748000,00	100,0
Министерство транспорта и автомобильных дорог Самарской области	21766018318,30	21766018318,30	5159837901,41	23,7
Министерство сельского хозяйства и продовольствия Самарской области	392173106,14	392173106,14	350190580,98	89,3
Министерство здравоохранения Самарской области	68590725,18	68590725,18	39666163,80	57,8
Министерство промышленности и торговли Самарской области	20000000,00	20000000,00	20000000,00	100,0
Министерство строительства Самарской области	16946909057,74	16852458805,37	15154452915,85	89,4
Министерство энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Самарской области	1662126004,23	1662113736,85	1431042827,29	86,1
Министерство лесного хозяйства, охраны окружающей среды и природопользования Самарской области	150811310,82	150811310,82	111357894,59	73,8
ИТОГО	41515328622,41	41420866102,66	22775248383,92	54,9

Источник: данные министерства управления финансами Самарской области [сайт] URL: <http://minfin-samara.ru/reports-on-the-budget> (дата обращения 20.05.2020)

Рисунок 1.1. Формирование механизма распределения государственных инвестиций

Так, в рамках государственного регулирования инвестиционной деятельности используются меры государственной поддержки экономики, такие как, например, налоговые льготы, инвестиционные налоговые кредиты, бюджетные субсидии, бюджетные инвестиции, льготные кредиты и т.д.

На территории Самарской области, действует целый комплекс общих (см., например, Закон Самарской области от 16.03.2006 № 19-ГД «Об инвестициях и государственной поддержке инвестиционной деятельности в Самарской области») и отраслевых (например, в сфере туризма Закон Самарской области от 14.06.2011 № 51-ГД «О государственной поддержке развития туризма в Самарской области») нормативных правовых актов в области государственной поддержки инвестиционной деятельности.

Основной проблемой современного регионального рынка государственных инвестиций, по мнению автора, является политика федерального центра, исходя из которой значительная расходная часть бюджета Российской Федерации фактически не доходит до регионов.

С одной стороны, это позволяет реализовывать особо крупные инвестиционные проекты федерального значения, выполнение социальных обязательств, поддержание в надлежащем состоянии обороноспособности страны и пр.

Вместе с тем, даже поверхностный анализ данных федерального бюджета показывает колоссальную разницу федеральных и региональ-

ных расходов.

Важную роль в формировании бюджета играет налоговая политика, которая должна содействовать усилению стимулирующего воздействия на социально-экономическое развитие государства и регионов при одновременном устойчивом выполнении фискальной функции [4].

Подводя итоги, можно утверждать, что сегодня в Российской Федерации проводится политика по перебалансировке налогового бремени. Например, в 2009 г. была снижена ставка налога на прибыль организаций с 24 до 20%. Также был введен мораторий на изменение уровня налоговой нагрузки на бизнес до 2018 г. С 2019 года обычная ставка НДС повышена до 20%. При этом, в 2019 году принято решение о постепенном повышении пенсионного возраста, что неизбежно увеличит поступления в Пенсионный фонд Российской Федерации. В тоже время с 2020 года эксперимент по налогообложению самозанятого населения распространен на всю территорию страны, что позволит львиной доле предпринимателей снизить, и без того не существенную налоговую нагрузку, а значительной части нелегализованного активного предпринимательского сообщества, с минимальными потерями, выйти из «тени». Кроме того в настоящее время активно используются льготы и преференции для поддержки инновационных компаний и компаний, осуществляющих инвестиции в экономику Российской Федерации.

Библиографический список

1. Хромов М. Государственная поддержка банковской системы // Экономическое развитие России. 2016. № 3
2. <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyye-byudzhety-subektov/>
3. <http://minfin-samara.ru/reports-on-the-budget/>
4. Трусова Н. С. Влияние налоговой политики на экономику регионов // Международный бухгалтерский учет. 2019. N 12. С. 1419–1433.

ECONOMIC AND LAW ISSUES

**Nº12 (138)
2019**

Editorial Council

A.P. Torshin — Candidate of Law, Deputy Chairman — State Secretary of the Bank of Russia, Chairman of the Editorial Board of the Journal “Economic and Law Issues”

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

A.G. Lisitsyn-Svetlanov — Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

V.N. Viktorov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Special Programs at St. Petersburg Mining University

Yu.V. Golik — Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

S.N. Silvestrov — Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security, Professor of the Department of World Economy and World Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation

A.A. Liverovsky — Doctor of Law, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg

Editor-in-Chief

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor

The journal is included in the list of the Higher Accreditation Committee of The Ministry of Education and Science of Russia of the leading scientific journals and publications issued in the Russian Federation, where the main scientific results of the scientific theses for the degrees of Doctor and Candidate of Science can be found

Founder: LLC “Economic Sciences”

Address: 125057, Moscow, Chapaevskii per., 3-775

E-mail: info@law-journal.ru

WWW: <http://law-journal.ru>

The Certificate of registration of mass media

ПИ №ФС 77-31419 from 06.03.2008

Subscription index 70180 (Agency “Rospechat”)

ISSN 2072-5574

Editorial Board

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

O.Yu. Bakaeva — Doctor of Law, Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law of the Saratov State Law Academy

V.V. Bolgova — Doctor of Law, Professor, First Vice-Recto for Academic and Educational Work, Head of the Department of Theory and Philosophy of Law, Samara State University of Economics

A.A. Pavlushina — Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Law of Samara State University of Economics

S.A. Makhosheva — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department “Regional Management” of the Institute of Informatics and the problems of regional management of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

A.M. Mikhailov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

V.V. Simonov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Church History, Moscow State University named after M. Lomonosov

I.A. Shulyatyev — PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of International and European Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

A.A. Alekseev — Doctor of Economics, Professor, Director of the Center for Innovative Development, Professor of the Department of Enterprise Economics and Production Management, St. Petersburg State University of Economics

V.P. Ponka — Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Process and Private International Law of the Peoples’ Friendship University of Russia

A.G. Zeldner — Doctor of Economics, Professor of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

M.F. Gus’kova — Doctor of Economics, Professor at the Institute of Paths, Construction and Structures of the Russian University of Transport (MIIT)

P.V. Pavlov — Doctor of Economics, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University

R.I. Khansevyarov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

Issue date 31.12.2019

Format 60x84/8

Printed signatures 4.88

300 copies

Printed by “24 Print” Ltd

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW; HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE

- Ageeva G.E., Gubaidullina E. Kh., Ryabova I.S.** General procedural succession:
conceptual foundations 39
- Zabaykalov A.P.** Optimal procedure for empowering the highest official of the subject
of the Russian Federation in the representation of the population
(on the example of the Lipetsk region) 40
- Kazankova T.N., Zakharov A.L.** Artificial intelligence as an object of legal protection 41
- Kalashnikova E.B.** Definition of «tax»: theoretical and legislative aspects 41

FINANCIAL LAW; TAX LAW; FISCAL LAW

- Papaskua G.T.** Fintech in digitalization of electronic documents of title 42

ECONOMIC THEORY

- Levchenko L.V., Yakovenko M.D.** Analysis of the regional state investment market
on the example of samara region 42

STATE AND LAW. LEGAL SCIENCE

**THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW;
HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE**

GENERAL PROCEDURAL SUCCESSION: CONCEPTUAL FOUNDATIONS

© 2019 **Ageeva Galina Evgenievna**

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil and Arbitration Procedure
Samara State University of Economics, Samara, Russia
E-mail: galinaageevva@mail.ru

© 2019 **Gubaidullina E. Kh.**

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor at the Department of Civil and Arbitration Procedure
Samara State University of Economics, Samara, Russia
E-mail: elmira_zaripova@mail.ru

© 2019 **Ryabova Inna Sergeevna**

Undergraduate student of the Faculty of Law
Samara State University of Economics, Samara, Russia
E-mail: innochka-ryabova@list.ru

This research is devoted to the legal Institute of succession. The authors pay attention to the designation of the conceptual foundations of the procedural essence of succession, highlighting its main characteristics. Succession in the most General form is the replacement of one subject in legal relations with another. Such a casting can be carried out not only in the course of justice, but traditionally the institution of succession is studied either from the position of civil law within the section on performance of obligations, or from the position of civil procedure. In this regard, it is also important to mention the absence in modern legal science of any comprehensive studies of the procedural order of implementation of the institution of succession not only from the position of judicial law enforcement, which also indicates the relevance of this work. The purpose of this research is to comprehensively study succession from the point of view of its General procedural significance, to identify the conceptual foundations of this approach and the need to fill the gap in the General theoretical study of this topic. The object of this work is social relations that take place in order to replace one subject with another due to objective or subjective reasons in various types of procedural activities. The understanding of procedural activity in this context is not related to a specific type of legal proceedings or obligations. The subject of this research is presented by the author's approach to understanding the legal process and procedural activity and consists of theories, concepts, regulatory and law enforcement materials that affect succession. The theoretical and methodological significance of highlighting the conceptual foundations of a General procedural understanding of the institution of succession is to enrich legal science with a new approach, knowledge related to a comprehensive understanding of the essence and features of replacing one subject with another in various types of relations. The practical significance of this topic is that testing the developed theoretical and methodological approaches in practice can increase the effectiveness of the functioning of succession and reduce a number of negative phenomena.

Keywords: succession; legal process; judicial law; subjects of legal process; replacement of persons.

OPTIMAL PROCEDURE FOR EMPOWERING THE HIGHEST OFFICIAL OF THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE REPRESENTATION OF THE POPULATION (ON THE EXAMPLE OF THE LIPETSK REGION)

© 2019 Zabaykalov Andrey Pavlovich

PhD in Law, Associate Professor,

Department «Constitutional and international law», Docent
Lipetsk branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Lipetsk, Russia
E-mail: zabaykalov@mail.ru

Improving the mechanism for granting powers to the highest official of the subject of the Russian Federation is one of the urgent problems of modern constitutional law. The article is devoted to such a little-studied aspect as revealing the opinion of the population on this issue. The results of a survey of residents of the Lipetsk region are used as a basis. As a result, it is stated that the position of legislators does not coincide with the opinion of the population in everything. The findings of the study can be applied to further improve the legislation, especially the electoral one.

Keywords: age, election, nomination of candidates, senior official, Lipetsk region, self-nomination, term of office, subject of the Russian Federation, residency qualification.

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18–311–00351

References

1. Zabaykalov A.P. O tsenze osedlosti pri vyborah vysshego dolzhnostnogo litsa (rukovoditelya vysshego organa ispolnitelnoy vlasti) subyekta Rossiyskoy Federatsii // Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo. 2019. № 1. — S. 147–153.
2. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12 dekabrya 1993 g. // Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 2014. № 31. St. 4398.
3. O vyborah glavy administratsii Lipetskoy oblasti: zakon Lipetskoy oblasti ot 09 iyunya 2012 g. № 45-OZ // Lipetskaya gazeta. 2012. 20 iyunya.
4. O gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhbe Rossiyskoy Federatsii: federalnyy zakon ot 27 iyulya 2004 g. № 79-FZ // Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 2004. № 31. St. 3215.
5. O dosrochnom prekrashchenii polnomochiy glavy administratsii Lipetskoy oblasti: ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 02 oktyabrya 2018 g. № 563 // Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 2018. № 41. St. 6229.
6. O rezultatakh vyborov glavy administratsii Lipetskoy oblasti: postanovleniye Izbiratelnoy komissii Lipetskoy oblasti ot 10 sentyabrya 2019 goda № 94/798–6 // Lipetskaya gazeta. 2019. 11 sentyabrya.
7. O strakhovykh pensiyakh: federalnyy zakon ot 28 dekabrya 2013 g. № 400-FZ // Rossiyskaya gazeta. 2013. 31 dekabrya.
8. Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatelnykh (predstavitelnykh) i ispolnitelnykh organov gosudarstvennoy vlasti subyektov Rossiyskoy Federatsii: federalnyy zakon ot 06 oktyabrya 1999 g. № 184-FZ // Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 1999. № 42. St. 5005.
9. Ob osnovnykh garantiyakh izbiratelnykh prav i prava na uchastiye v referendume grazhdan Rossiyskoy Federatsii: federalnyy zakon ot 12 iyunya 2002 g. № 67-FZ // Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. 2002. № 24. St. 2253.
10. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Ivanova Vyacheslava Konstantinovicha na narusheniye ego konstitutsionnykh prav polozheniyami Zakona Novgorodskoy oblasti «O vyborah Gubernatora Novgorodskoy oblasti»: opredeleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 14 yanvaryaya 2014 g. № 7-O // Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. 2014. № 4.
11. Urusova I. O. Konstitutsionno-pravovoy status vysshikh dolzhnostnykh lits subyektov Rossiyskoy Federatsii i ikh rol v sisteme federalnykh i regionalnykh organov vlasti: avtoref. dis. kand. yurid. nauk. M. 2014. — 22 s.
12. Ustav Lipetskoy oblasti Rossiyskoy Federatsii ot 9 aprelya 2003 g. № 46-OZ: prinyat postanovleniyem Lipetskogo oblastnogo Soveta deputatov ot 27 marta 2003 g. № 222-ps // Lipetskaya gazeta. 2003. 17 aprelya.
13. Shchukina T. V. Klassifikatsiya drayverov sovremennogo publichnogo upravleniya // Voprosy ekonomiki i prava. 2018. № 122. — S. 7–10.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN OBJECT OF LEGAL PROTECTION

© 2019 **Kazankova Tatiana Nikolaevna**

Candidate of Pedagogical Sciences

Samara State University of Economics, Samara, Russia

© 2019 **Zakharov Alexey Leonidovich**

Candidate of Law

Samara State University of Economics, Samara, Russia

The article analyzes the concepts of domestic and foreign researchers regarding intellectual property rights to products created by artificial intelligence. In the modern world, questions related to artificial intelligence are gaining more and more popularity. Investments are increasing, and the market for artificial intelligence technologies is growing rapidly. In the current reality, robotics is used to create various types of intellectual property items. All this creates an urgent need to rethink the basic values that are so familiar to us, which constitute the object of intellectual rights, and need innovations in the field of their protection at the legal level.

Keywords: Artificial intelligence, intellectual property, protection of property rights, product of creative activity.

References

1. Civil Code of the Russian Federation. Part four: Feder. Law of December 18, 2006 No. 230-FZ: adopted by the State. Duma on November 24, 2006: approved. By the Federation Council on December 8, 2006 (as amended by the Federal Law of May 23, 2018, No. 116-FZ) // Consultant Plus database. Retrieved from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ / (date accessed: 21.06.2020) /.
2. Humanoid robot Sofia received the citizenship of Saudi Arabia // NTV TV: [site]. Retrieved from: <http://www.ntv.ru/novosti/1945500/> (date accessed: 22.06.2020).
3. *Morkhat P.M.* (2017) Artificial intelligence: a legal view. P. 126. Retrieved from: https://moscou-ecole.ru/wp-content/uploads/2018/03/Morkhat_PM_Artificial_Intelligence_Legal_View-2017.pdf.
4. Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS Agreement) // WIPO Database «WIPO Lex». Retrieved from: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=12746> (date accessed: 20.06.2020).
5. *Yarichin E.M., Gruznov V.M., Yarichina G.F.* (2018). Intellectual Paradigm of Artificial vision from video-intelligence to strong artificial intelligence. T. 9. № 11. C. 16–32. Retrieved from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38638660>

DEFINITION OF «TAX»: THEORETICAL AND LEGISLATIVE ASPECTS

© 2019 **Kalashnikova Elena Borisovna**

Associate Professor of the Department of theory of law and philosophy

Samara State University of Economics, Samara, Russia

E-mail: kalashnikova-helen@yandex.com

The research is devoted to the basic concept in financial and tax law — «tax». The analysis of their wording, which has been consolidated in normative legal acts in various legal systems, is carried out. Theoretical views on the tax and the wording of its concepts in various countries are also analyzed. A comparative analysis of the tax legislation of Russia, a number of CIS countries, Germany and the Republic of Korea containing the definition «tax» revealed their common and specific features.

Keywords: definition, state income, legislation, tax, fee, insurance premium, economy, payment.

FINANCIAL LAW; TAX LAW; FISCAL LAW

FINTECH IN DIGITALIZATION OF ELECTRONIC DOCUMENTS OF TITLE

© 2019 **Papaskua Givi Tengizovich**

Postgraduate student, Department of Financial Law

Moscow State Law University, Moscow, Russia

E-mail: Givipapaskua@gmail.com

The advent of blockchain technology allows in the future to abandon bills of lading in their paper design. Several maritime hubs, including Singapore, are currently exploring the possibility of digitalizing trade and maritime documents, such as bills of lading, using blockchain technology. However, there remains considerable uncertainty about the legal viability of blockchain bills of lading, as well as other electronic documents. The article examines the grounds and possibilities of using electronic bills of lading in the model of a common registry, as well as obstacles to their application in common law jurisdictions. The adoption of MLETR can provide a legal regime for blockchain bills of lading. The key provisions of MLETR are considered, as a result of which versions of amendments to the model legal act are proposed. The approaches under consideration in legal regulation will prepare the relevant common law jurisdictions for a new technological era in the shipping industry.

Keywords: bill of lading, blockchain, turnover, token, electronic register.

ECONOMY. ECONOMIC SCIENCE

ECONOMIC THEORY

**ANALYSIS OF THE REGIONAL STATE INVESTMENT MARKET
ON THE EXAMPLE OF SAMARA REGION**

© 2019 **Levchenko Larisa Vladimirovna**

Ph.D., Associate Professor

Samara State University of Economics

E-mail: lvls@mail.ru

© 2019 **Yakovenko Mstislav Dmitrievich**

Samara State University of Economics, Samara, Russia

The article is devoted to the analysis of the current state of the regional public investment market, using the example of the Samara region. The authors describe the main state investment instruments, their place and significance in the structure of budget expenditures, and also analyze the effectiveness of using state investment instruments; highlight the associated problems.

Keywords: investments, financial market, government investment, government procurement, evaluation of the effectiveness of government programs